

Научная статья
УДК 1:316
DOI: 10.18101/1994-0866-2022-1-21-30

ДИНАМИКА ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

© **Багаева Ксения Анатольевна**

кандидат философских наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
ksyusha.81@mail.ru

© **Васильева Светлана Владимировна**

доктор исторических наук, профессор,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
sv_vasilieva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования и развития нормативно-правовой основы, регулирующей государственно-конфессиональные отношения в Китайской Народной Республике. Авторами подчеркивается, что создание тех или иных законодательных актов, внесение изменений в Конституцию КНР прошли через длительный хронологический период, во многом было связано с реакцией на события, происходящие в мире. Выявлено, что религиозный ренессанс в Китае в период эпохи проведения политики «реформ и открытости» коснулся всех религиозных течений, в первую очередь христианства. В работе особое внимание уделяется периоду политики адаптации религии к социалистическому обществу. В заключение авторы приходят к выводу о том, что государственные власти КНР, правящая коммунистическая партия являются той силой, которая влияет на процессы религиозного возрождения в обществе и стремится к контролю религиозной жизни в КНР.

Ключевые слова: конфессия, религия, государственно-конфессиональные отношения, Китай, общество, конституция, нормативно-правовые акты, китаизация, адаптация.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 21-011-44156 «Миссионерская деятельность Русской православной церкви на территории Внутренней Азии в условиях трансграничья (XVII–XXI вв.)».

Для цитирования

Багаева К. А., Васильева С. В. Динамика государственно-конфессиональных отношений в современном Китае: социокультурная специфика и нормативно-правовые аспекты // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. Вып. 1. С. 21–30.

Государственно-конфессиональные отношения — очень важная сфера взаимодействия, оказывающая влияние на общественные процессы, культуру. Сегодня

в условиях трансформации современного общества меняется и сущность государственно-конфессиональных отношений.

Обратимся к их определению. Так, в работах М. О. Шахова государственно-конфессиональные отношения — это «совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей и взаимоотношений институтов государства, с одной стороны, и институциональных образований конфессий (религиозных объединений, духовно-административных центров, профессиональных учреждений) — с другой. В основе этих отношений лежат законодательно закрепленные представления о месте религии и религиозных объединений и жизни общества, об их функциях, о сферах деятельности и компетенции всех субъектов данных отношений» [1, с. 9].

В свою очередь дополним, что применение данного термина возможно по отношению к религиозным объединениям, которые принадлежат одному вероучению. Также отметим, что государственно-конфессиональные отношения касаются политической, правовой, экономической, социальной и хозяйственной сфер. Кроме того, особенность государственно-конфессиональных отношений заключается в том, что они являются исторически складывающимися и изменяющимися. Поэтому в разные исторические периоды как в западных, так и в восточных государствах благодаря динамичности эти отношения могут трансформироваться.

Существует несколько моделей государственно-конфессионального взаимодействия, которые строятся на примере отношений христианства и государства, но тем не менее имеют большое распространение.

Для выявления особенностей государственно-конфессиональных отношений главным является анализ существующих нормативно-правовых документов, регулирующих религиозную сферу.

Обращаясь к Китаю, отметим, что это страна с особой религиозной историей: даосизм, конфуцианство, буддизм имеют давние корни, христианство появилось в Китае в VII в. н. э. и ряд других религиозных традиций. Поэтому изучение нормативно-правовой базы положения религии в Китае имеет особое значение для выявления особенностей формирования государственно-конфессиональных отношений. Актуальность изучения определяется тем, что сегодня КНР выстраивает государственно-конфессиональные отношения на основе строгого регулирования религиозной сферы и принципах светскости. В некоторой степени можно отметить аналогичность религиозной истории Китая с российской в аспекте поликонфессиональности. Однако если в российском обществе маятник качнулся от атеизма к свободе религии, то в китайском обществе все не так однозначно.

В становлении государственно-конфессиональной политики конца XX — начала XXI в. в КНР надо выделить четыре этапа: первый — это 1980-е гг., когда, по нашему мнению, начала формироваться новая религиозная политика современного периода, отраженная в Конституции 1982 г. и ряде нормативных документов. Второй период — это 1990-е гг., когда в контексте мировых секуляризационных процессов Китай начинает выстраивать государственно-конфессиональные отношения. Третий период — начало 2000-х гг., наблюдается активное преобразование религиозной сферы. Четвертый период — 2010–2020-е гг., предприняты новые меры в отношении конфессиональной политики государства.

Необходимо отметить, что в китайском обществе в 1970–1980-х гг. начался религиозный ренессанс, вектор взаимодействия с официальными и другими религиями поменял свое направление. Например, несмотря на кажущийся религиозный плюрализм, принятая в 1982 г. Конституция провозглашает КНР светской страной, вследствие этого становится актуальным вопрос статуса конфессий. Отметим, что существовавшие ранее конституции КНР 1954 г., 1975 г., 1978 г. также постулировали свободу религии.

В статье 36 действующей Конституции указывается: «Граждане Китайской Народной Республики имеют свободу вероисповедания. Никакие государственные органы, общественные организации и частные лица не могут принудить граждан исповедовать или не исповедовать религию, не могут дискриминировать граждан за исповедание или неискповедание религии. Государство охраняет нормальное отправление религиозной деятельности. Никто не может использовать религию для нарушения общественного порядка, нанесения вреда здоровью граждан и в ущерб государственной системе образования. Религиозные организации и религиозные дела свободны от иностранного контроля»¹. Таким образом утверждается, что верующие и неверующие имеют равные права, никто не может принуждать к религиозной деятельности. Однако возникает вопрос относительно «нормальной религиозной деятельности», потому как дефиниции рассматриваемого понятия нет.

Согласно Конституции, государство взяло курс на сближение религии и китайского общества, признавая продолжительное существование религии в социалистическом обществе, но тем не менее контролирует религиозную жизнь.

Кроме Конституции есть ряд других документов, регулирующих религиозные отношения. Одним из важных документов, принятых Центральным комитетом Коммунистической партии Китая (ЦК КПК), является документ № 19 «Основные взгляды и основная политика по религиозному вопросу в период социализма в Китае» 1982 г. [2, с. 205]. В нем сформулирована религиозная политика на основании марксистского взгляда на религию. По существу, именно этим документом руководствовались партийные и государственные органы на местах. Основная идея этого документа: религия должна помогать делу партии, религию нельзя использовать для подрыва социалистической целостности. Кроме того, в документе признается религиозный плюрализм, она должна помочь в деле «четырех модернизаций». Документ был составлен в духе секуляризационных процессов, захвативших мир и, соответственно, китайское общество, однако не свободен и от противоречий. С одной стороны, в нем утверждалась свобода вероисповедания, свобода религиозной деятельности, а с другой — в скором времени религия изживет себя, религиозные институты не обладают истиной и никоим образом не могут влиять на государственные дела, не вмешиваются в образовательную деятельность. В то же время религия с партией должна выступать в коалиции для укрепления позиции партии. Государство, в свою очередь, гарантировало защиту религии.

Итак, в документе № 19 однозначно прослеживается марксистский взгляд на религию, которая не должна быть конкурентом партии в идеологическом плане.

¹ URL: <https://chinahelp.me> (дата обращения: 18.01.2022). Текст: электронный.

Отметим еще ряд нормативных документов, определявших государственно-конфессиональные отношения в этот период, такие как «Закон КНР о национальной районной автономии; Общие положения Гражданского кодекса; Закон об образовании; Трудовой кодекс; Закон об обязательном 9-летнем обучении; Закон о выборах в собрания народных представителей; Закон об организации комитетов сельских жителей; Закон о рекламе и другие» [3, с. 113]. В основном этот пакет документов включает статьи, запрещающие ущемление прав и свобод по религиозному признаку.

Разнообразие норм и актов дает основание считать, что государство управляет практически всеми сторонами религиозной жизнедеятельности КНР, для того чтобы иметь контроль над религиозными организациями, их членами.

Однако, несмотря на подконтрольный характер религии, последующие 1990-е годы для духовной жизни Китая можно отметить как время возрастания активности религиозных организаций. Одним из направлений религиозной политики теперь стало регулирование религиозной деятельности, соблюдение прав и законов. Поэтому в 1991 г. был принят документ № 6, который редактировал и дополнял указанный ранее документ № 19. Главный акцент был сделан на деятельности иностранных религиозных организаций, которые не должны были вести подрывную деятельность и согласовывать все свои действия с властями. Также одним из важных аспектов нормативного документа было обращение к партийным членам, которые должны быть антирелигиозны и следовать идеям марксизма и Мао Цзэдуна.

В 1994 г. было принято «Положение о регулировании религиозной деятельности иностранных граждан на территории Китайской Народной Республики» (Положение было обнародовано указом № 144 Госсовета) [4, с. 34], которое регулировало деятельность иностранных священнослужителей на территории страны, разрешая им осуществлять свою деятельность только по приглашению китайских религиозных организаций и властей. Таким образом, документ запрещал деятельность иностранных священнослужителей на территории КНР.

Еще одним нормативным документом, который также стал попыткой совершенствования религиозного законодательства, стали обнародованные в 1994 г. указом Госсовета № 145 «Правила регулирования мест религиозной деятельности» [4, с. 34]. Правила закрепляли достаточно строгую систему регистрации мест религиозной деятельности. С помощью указанных документов государство усиливает контроль как над иностранными миссионерами и проповедниками, так и над зарегистрированными религиозными общинами. Кроме того, были прописан запрет на взаимодействие религии и образования: не разрешалось обучение иностранными учителями, распространение религиозной литературы.

В Китае понимают, что прошлая политика диктатуры, запретов и гонений на религию и религиозных деятелей себя изжила, тем более, что количество верующих увеличивается, соответственно, нужно избежать ошибочного опыта, поэтому сфера религии становится приоритетной. Тем более, что ранее законотворческая деятельность в государственно-конфессиональной сфере не велась.

Итак, в этот период религиозная политика была направлена на формирование законных оснований для регулирования и управления религиозной деятельностью в рамках марксистских идей и светского государства.

Новое столетие для государственно-конфессиональных отношений в Китае принесло много изменений наряду с теми, которые произошли в экономической сфере, межгосударственных отношениях в рамках выстраивания курса политики открытости страны всему миру. Китайское руководство во главе с Цзян Цзэмином понимает, что «религия носит массовый характер. Это мощная общественная сила, которой следует эффективно управлять и направлять в сторону «сокращения негативных элементов и содействия позитивным элементам» [5, с. 91]. Цзян Цзэминь указал, что искусственное подавление религий не ведет к успеху. Поэтому религию необходимо изменить в соответствии с запросами мирового сообщества и социалистического государства. Соответственно, все представленные официально конфессии на территории Китая (ислам, протестантизм, католицизм) должны адаптировать свое вероучение сообразно социалистическим идеям.

К этому времени стало понятно, что ранее принятые документы № 19 и 6, актуальные в секулярном мире, уже устарели. Развитие интернета, произошедшие теракты, появление сект и миграция населения — все это приводило к пониманию того, что религия неизбежна и достаточно сильно влияет на общество, в частности, на молодежь, тем более в условиях меняющегося, глобализирующегося мира, угрозы терроризма и других мировых проблем, которые так или иначе затронули КНР. Все это привело к тому, что в 2004 г. было создано «Положение о религиозной деятельности» (документ № 426) [6, с. 149], появление которого привело к упразднению документа № 145. По существу, документ является определяющим религиозную политику КНР. Состоит из 7 глав и 48 статей.

Одним из интересных пунктов является вопрос об ответственности в религиозной сфере, поскольку этот аспект носил абстрактный характер, ответственность прописывалась, но конкретно не указывалась. Положение 2004 г. носило во многом спекулятивный характер, многие пункты требуют объяснения и дополнения. В нем присутствуют заимствования из Конституции и других законодательных актов, но в целом документ имел профилактический уклон и во многом задавал направление религиозного контроля.

В условиях изменений в китайском обществе при переходе к открытости и реформам этот нормативный акт стал важным в регулировании религиозной деятельности. Именно в это время отмечается самое большое количество христианских общественных организаций [2, с. 205]. Поэтому можно считать, что документ во многом улучшил ситуацию в сфере религиозно-государственного взаимодействия.

Главная цель, которая преследовалась в этот период, — это адаптация религии к социалистическому обществу. Религиозные деятели сами должны быть заинтересованы в том, чтобы действовать в интересах социализма. Как указывал А. В. Ломанов, «политика адаптации была истолкована как совпадение двух векторов: общественного запроса на трансформацию религии в соответствии с изменившимися условиями эпохи и стремления самих религиозных общин к выживанию и развитию в новых условиях» [5, с. 91].

В 2018 г. было принято дополненное «Положение о религиозной деятельности», куда вошли еще две главы [7, с. 139]. Отметим, что второй вариант положения принимался в совершенно новых условиях и с определенными целями. Если для первого положения была задача закрепить законодательно статус конфессий,

отделить иностранных миссионеров и проповедников от традиционных, оградить от иностранного религиозного влияния, которое рассматривалось как вредоносное, то новое преследует цель уйти от социальной напряженности на религиозной основе. Здесь государство объявляет себя гарантом религиозной свободы и «нормальной религиозной деятельности», при этом не объясняя, что это означает. Ранее указывалось, что и в Конституции 1982 г. используется данное словосочетание без объяснения. Также прописаны сложные условия получения государственной регистрации религиозных организаций, регистрации объектов религиозной деятельности. За всем этим, по существу, подразумевается неукоснительный надзор со стороны государства. Теперь вслед за встраиванием религии в социалистическое общество они должны быть подвергнуты китаизации. В своих религиозных догматах религии должны найти то, что будет способствовать развитию китайской культуры.

Вообще данная риторика адаптации не нова для китайской культуры, ярким примером такого процесса является буддизм, который, по мнению российского буддолога Л. Е. Янгутова, был китаизирован: «Индийская махаяна, таким образом, не получила автоматического распространения в Китае, а была трансформирована традиционным мировосприятием и несла на себе печать китайской традиции, поэтому ее можно назвать китайской не только из-за территориальной принадлежности, но из-за китайской специфики». Причем «китайская махаяна — это не только и не столько результат адаптации индийского буддизма к китайской почве, сколько результат творческого развития доктрин индийского буддизма в его махаянском варианте на китайской почве» [8, с 44–46]. Буддизм сумел приспособиться к китайской власти, адаптировался в тех условиях и даже оказывал определенное влияние на нее, тем самым выступая элементом китайского общества.

Обращаясь к Положению 2018 г., необходимо указать, что внесенные в него дополнения были в контексте новой риторики КПК, возглавляемой Си Цзиньпинем, что, естественно, приводит к кардинальным отличиям современной государственно-конфессиональной политики от предыдущих периодов. Основная задача, поставленная современным руководством, — это продвижение китайской культуры, где одной из главных сил выступает религия, а именно даосизм, конфуцианство и буддизм. Поэтому Положение было дополнено двумя, как мы считаем, ключевыми пунктами и внесены некоторые дополнения в остальные главы. Так же, как и Положение 2004 г., носит превентивный, предупредительный характер.

Отметим, что основные аспекты нового Положения теперь прописывают контроль за религиозными служителями, которые также должны быть проверены государственными органами. Следующие главы посвящены религиозному имуществу, относительно которого также возникает много вопросов, поэтому глава была расширена. Внесено положение о том, что религиозное имущество охраняется законом. Ввиду мировой тенденции к коммерциализации религии как веяния постсекулярной эпохи в Положение внесен пункт о том, что религиозные организации — это не коммерческие, их доход может быть использована только на благотворительность. В любом случае государство контролирует финансовую деятельность религиозных организаций через отчеты в налоговые органы.

Также важным моментом стало расширение главы «Юридическая ответственность», в которой указывается ответственность не только за пропаганду экстремизма, но и другие нарушения в религиозной сфере. Кроме того, несомненным новшеством стало внесение ответственности за непропорциональную проповедь в интернете.

Две новые главы, введенные в Положение 2018 г., — это «Религиозные учебные заведения» и «Религиозная деятельность». Вообще глава о религиозных учебных заведениях показывает, насколько важен вопрос религиозного образования для китайского государства в контексте китаизации религии и применения их в качестве «мягкой силы». Также новая глава «Религиозная деятельность» разделила конфессии на официальные и неофициальные, первые могут проводить службы и обряды, вторым, естественно, запрещается. Поэтому любая неофициально существующая, незарегистрированная религиозная организация, в частности христианские, мусульманские, автоматически не могут вести какую-либо деятельность. Таким образом, государство оказывает поддержку трем традиционным конфессиям (даосизм, конфуцианство, буддизм), ограничивая деятельность и влияние других, хотя и долгое время присутствовавших в Китае конфессий, пытаясь их китаизировать. Незарегистрированные официально религиозные общины должны легализовать свою деятельность, но сделать это почти невозможно, поэтому их деятельность так или иначе незаконна. С другой стороны, официально зарегистрированные религии также находятся под строгим контролем со стороны государства.

Таким образом, на современном этапе, несмотря на декларируемые в Конституции и других законодательных актах религиозную свободу и свободу вероисповедания, отчетливо прослеживается вмешательство партии в религиозную деятельность. Скорее всего, такое вмешательство внесет некоторые изменения в аутентичность и оригинальность учений.

Вообще история государственно-религиозных отношений в Китае показывает, что в них не было доминирования какой-либо одной религиозной общины. Это всегда система религиозных взаимодействий. Власть проявляла относительную веротерпимость к традиционным религиозным учениям (даосизм, конфуцианство, буддизм), а затем и к нетрадиционным (католичество, протестантизм, православие, ислам), рассматривала их как инструмент для управления обществом. Об этом свидетельствует рост числа последователей католической церкви и протестантских деноминаций. Одной из своих задач в Китае Московский патриархат считает нормализацию положения Китайской автономной православной церкви в КНР. «На этом фоне важно было бы уклониться от политизации религиозных вопросов (например, от соблазна рассматривать проблематику положения Православной церкви в Китае исключительно в контексте двусторонних российско-китайских отношений либо ограничивающих ее сферой развития русского национального меньшинства в КНР).

Диалог Православной церкви, который ведется с официальными властями КНР о воссоздании китайского клира и системы духовного образования, является одним из важных направлений деятельности Церкви, призванных служить нормализации положения православия в Китае в духе принципов социальной справедливости и гармоничного развития общества.

Важное значение имел визит святейшего патриарха Кирилла в 2013 г. в Китай по приглашению председателя КНР Си Цзиньпина. Их встреча и беседа определили пути официального диалога между Православной церковью и властями КНР по вопросам нормализации положения Церкви в Китае. В результате переговоров был инициирован процесс официального направления студентов из КНР для обучения в духовных школах Русской православной церкви.

В настоящее время основной задачей является восстановление иерархии Китайской православной церкви. В декабре 2014 г. была совершена священническая хиротония о. Анатолия Кунга — первого китайского клирика для гонконгского прихода Русской православной церкви. В октябре 2015 г. была совершена первая за почти шестьдесят лет согласованная с властями хиротония китайского клирика для континентального Китая, им стал священник Александр Юйши из Харбина. В ноябре 2018 г. в Петербурге рукоположен в сан священника Павел Сунь для служения в приходе во имя св. Иннокентия Иркутского г. Эргуна, автономный район КНР Внутренняя Монголия. В России для пастырского служения среди китайских мигрантов был рукоположен в священный сан о. Димитрий Чжан, проходящий сейчас служение в Благовещенской епархии» [9].

Православие в Китае имеет долгую историю, уже в начале XVIII в. появилась первая Духовная миссия Русской православной церкви. Как указывает исследователь В. Г. Дашыцен, «официальный статус Российской духовной миссии в Пекине был закреплён пятой статьёй Кяхтинского договора 1727 г. Российская духовная миссия существовала на правах китайского государственного учреждения, русские священники получали чиновничьи ранги и соответствующее жалование» [2, с. 51]. Решением Священного Синода в 1956 г. Китайской православной церкви был предоставлен автономный статус.

Достаточно длительная и интересная история отношений православия в рамках всего христианства и китайского государства не могла не повлиять на становление китайской культуры. Однако в связи с малочисленностью православных в Китае, по официальным источникам 10–15 тыс., правительство признает православие в качестве религии национального меньшинства в так называемых районах компактного проживания граждан КНР русской национальности. Такие религии, как православие, современными властями рассматриваются как имеющие места для собраний, но без организационной структуры и священнослужителей.

Таким образом, современная религиозная политика в новом обрамлении повторяет традиционную программу по китаизированию. Как верно отмечает С. А. Горбунова, «политика в религиозной сфере видоизменяется методом инкорпорирования традиционных, близких китайской ментальности нравственных принципов. Конечно, для властей это инструмент новейшей идеологии, заряженный традицией»¹.

Сейчас для китайского правительства не стоит цель уничтожить или убрать религии, заменив ее другими идеями, главное — это создание преобразованной религии, которая не идет в разрез с идеями КПК, а, наоборот, дополняет ее, поэтому государство охраняет такую религию. В этом аспекте становится понятной

¹ КНР. Конституция и законодательные акты: пер. с кит. Москва: Прогресс, 1984. С. 298.

формулировка «нормальная религиозная деятельность»: это та, которая способствует реализации этой цели. По существу, начиная с создания новой Конституции 1982 г. и других законодательных актов, положений 2004 г., 2018 г., местных нормативных актов, их внедрения, религиозная политика КНР, не избежав противоречий, шла именно к этой цели.

Китай поступательно продолжает разрабатывать гармоничные с их точки зрения государственно-конфессиональные отношения, реализуя эту программу с помощью реформ Дэн Сяопина, адаптации религии Цзянь Цзэминя и, наконец, китаизации Си Цзиньпина. Такая целенаправленная политика имеет вполне очевидные основания, поскольку сейчас Китай находится в процессе трансформаций и религия не должна быть ненужным и неуправляемым звеном, а стать частью единого и цельного изменяющегося организма.

Литература

1. Шахов М. О. Вероисповедная политика Российского государства / ответственный редактор М. О. Шахов. Москва, 2003. 207 с. Текст: непосредственный.
2. Дашьцен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. Москва, 2007. 240 с. Текст: непосредственный.
3. Сюй Сяобо. Нормативно-правовые основы деятельности религиозных организаций в светском государстве. Опыт КНР // Религиоведение. 2016. № 2. С. 112–119. Текст: непосредственный.
4. Лукин А. В. Статус Китайской автономной православной церкви и перспективы православия в Китае // Аналитические доклады. 2013. Вып. 4(39). 49 с. Текст: непосредственный.
5. Ломанов А. В. Адаптация и китаизация: современная религиозная политика руководства КПК // Международная аналитика. 2021. Т. 12, № 4. С. 88–105. Текст: непосредственный.
6. Афолина Л.А. Государственная политика Китайской Народной Республики в сфере религий в период реформ (1978–2015 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2016. 218с. Текст: непосредственный.
7. Афолина Л. А. Положение о религиозной деятельности 2018 года в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С.138–154. Текст: непосредственный.
8. Янгутов Л. Е. Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма. Новосибирск: Наука, 1995. 224 с. Текст: непосредственный.
9. Поздняев Д. Нормализация положения православной церкви в Китае как одна из приоритетных задач Московского патриархата // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы X Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ — Посольск, 10–11 октября 2018 г.) / ответственный редактор С. В. Васильева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. С. 3–6. Текст: непосредственный. Горбунова С. А. Китай: религия и власть. История китайского буддизма в контексте общества и государства. Москва: ФОРУМ, 2008. 320 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022; одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 21.02.2022.

DYNAMICS OF RELIGION-STATE RELATIONS IN MODERN CHINA:
SOCIO-CULTURAL SPECIFICITY AND REGULATORY CONSIDERATIONS

Kseniay A. Bagaeva

Cand. Sci. (Philos.), A/Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
ksyusha.81@mail.ru

Svetlana V. Vasilyeva

Dr. Sci. (History), Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
sv_vasilieva@mail.ru

Abstract. The article analyzes the development of the regulatory framework for religion-state relations in the People's Republic of China. We have emphasized that the introduction of certain legislative acts and amendments to the Constitution of the PRC has a long chronological period, and is caused by the reaction to the events taking place in the world. It was revealed that the religious renaissance in China during the era of "reform and opening up" touched all religious movements, especially Christianity. The article pays special attention to the period of the policy of adapting religion to a socialist society. We have come to the conclusion that the state authorities of the PRC, the ruling communist party are the force that influences the processes of religion's revival in society and seeks to control religious life in the PRC.

Keywords: religious denomination, religion, religion-state relations, China, society, constitution, laws and regulations, Sinicization, adaptation.

Acknowledgements. The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research grant 21-011-44156 "Missionary Activity of the Russian Orthodox Church on the Territory of Inner Asia in Transboundedness (17th–21st centuries)"

For citation

Bagaeva K. A., Vasilyeva S. V. Dynamics of Religion-State Relations in Modern China: Socio-Cultural Specificity and Regulatory Considerations. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2022; 1: 21–30 (In Russ.).

The article was submitted 18.01.2022; approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 21.02.2022.